

ПОСЛЕДНИЙ ДОЖДЬ

РАССКАЗ

В темноте двигались силуэты полицейских. В порту царила мертвая тишина. Гигантские краны стояли в безмолвии. Все напоминало дни войны, когда английские берега были блокированы немецкими подводными лодками, а в воздухе летали «хейнкелы», «юнкерсы», неся с собой ужас, смерть и разрушение.

В эту тревожную ночь недалеко от берега, где море терялось в тумане, где волны сливались с ночным мраком, стоял эсминец. От эсминца черными точками отделялись катера и без шума подходили к причалу. Здесь их ожидали санитарные машины. Люди в белых халатах поспешно выносили кого-то на носилках, и машины одна за другой мчались по темным улицам, растворяясь в густом тумане.

За эвакуацией следил матрос с эсминца. Это был Сэм.

Он давно не был на родном берегу. Вот уже третий год, как его взяли вместе с другими на военную службу. Он все время находился вдалеке, редко видел землю — чужую, незнакомую, без родных и знакомых. Сэм очень любил свою Англию, любил подышать свежим морским воздухом и смотреть, как из тумана выступают древние башни старых городов.

Его обветренное лицо расплылось в улыбке от радости, когда он вспомнил отцовскую ферму. Да, хорошо бы сейчас обнять старую мать, похлопать по плечу старика, посмотреть на сестренку Сюзи. Он тяжело вздохнул, машинально поправил берет на голове, вытащил из кармана трубку и не спеша закурил.

— Что, старина, наглотался соленого

ДЖЕРАЛЬДО ЛА-ДЭПУР

— ветра? — окликнул полицейский матроса.

— Вдоволь, да вот попутный ветер пришвартовал к родным берегам.

— Надолго ли?

— Нет, как отгрузим.

— Почему люди так стонут?

— Я бы на их месте не только стонал, а кричал бы во всю глотку.

Сэму этот разговор не нравился: команде строго запретили говорить с кем бы то ни было. Но все-таки не перемолвиться с человеком с земли хотя бы несколькими словами нельзя.

Быть на берегу и не сказать никому ни слова — это для моряка плохая примета.

— Почему их так много? Неужели что-либо стряслось? — спросил полицейский.

— Они с американской базы в Тихом океане.

— А что эти парни там делали?

— Охраняли нашу добрую Англию.

— За три тысячи миль от наших берегов?

— Немного подальше.

— А что у них американских солдат не хватает?

* * *

Рождался обычный день, сквозь туман

пробивался рассвет. Раздавались приглушенные звонки. По пустынным улицам проносились грузовые автомашины, торопились пешеходы.

По узким улицам рабочего квартала мчалась машина скорой помощи. Пересекши площадь, завернув за угол, она остановилась у подъезда. Двое санитаров вынесли из машины носилки, на которых лежал человек, и, не проронив ни слова, начали подниматься. Лестничная клетка наполнилась гулом, каждый шаг, как тяжелый стон, раздавался по спящему дому.

На звонок открыла дверь седая женщина с непокрытой головой. Увидев носилки, она побледнела и не сразу произнесла два трепетных слова:

— Мой... сын...

Ноги женщины подкосились, она рухнула на пол.

Был девятый час. Едва придя в себя, с воспаленными от слез глазами сидела мать у постели больного сына. Ах, если бы она имела еще одну жизнь, чтобы отдать ее своему мальчику, спасти его от смерти. Она не отводила взгляда от дорогого лица, а правая рука бережно гладила его белокурые полосы.

— Мэм, как хорошо, что ты здесь... Я вижу тебя... Не огорчайся, я буду жив. Доктор Лоусон говорил, что мне нужно спокойствие и домашний уход...

— Правда, доктор?

— Да, да, Эд.

— Ведь со мной ничего не случилось, я только попал под дождь. Это же такой пустяк... Я просто простудился. То же самое случилось с Томом... с Роем... с Роджерсом... с Бенчем.

Он замолк, что-то припоминая.

— Мэм, поправь мне подушку, я расскажу, как это было... Наш остров назывался Хауленд. Это далеко отсюда, мэм, на тропиках... Там ужасно жарко. А в тот день, когда это случилось, стояла такая жара, что дышать было нечем... После занятий мы шли в казармы. Идти было трудно, а до казарм далеко. Солнце внезапно скрылось. С моря на остров надвигались тяжелые свинцовые тучи. Вдали раздавался гром. Молнии

прорезали небо кривыми зигзагами... Вдруг налетел шквал, опрокидывая все на своем пути... Устоять на ногах было очень трудно. Мы сбились в кучу, некоторые попадали на землю, хватаясь за кусты, кое-кто покотился под гору... Смешно и страшно. Затем ветер ослабел и пошел дождь, сначала крупными нечастыми каплями, но скоро хлынул ливень. После палящей жары дождь принес нам прохладу и освежил нас. Многие сняли промокшие гимнастерки.

Больной замолчал и не скоро вновь раскрыл губы.

— Мэм, мне трудно рассказывать дальше... Пусть доктор скажет тебе это...

Мать медленно перевела взгляд на доктора. О, как много говорил этот взгляд! У доктора Лоусона сжалось сердце. Но ничего не поделаешь: ему, доктору, придется рассказывать самое трудное. Это его обязанность. Такая у него профессия.

— Мне нелегко осведомлять вас о том, что произошло на острове Хауленд, но я обязан.

Пройдемте в соседнюю комнату, — сказал он вставая.

Некоторое время они еще молчали, страхась сказать о непоправимом.

— Миссис Гребес, — решил, наконец, доктор. — Ваш сын и его коллеги попали под радиоактивный дождь. Понимаете?

— Я понимаю, — медленно ответила мать. — Благодарю вас за правду, доктор Лоусон. — Не произнеся более ни слова, она отошла к открытому окну.

За окном бурлил большой город. На деревьях щебетали птицы. Клумбы пестрели от цветов. Шумели, расшалившись, дети. С крыши доносилось нежное воркование голубя. Откуда-то примчался смех — счастливый человеческий юный смех. Мчались автомашины. Торопились пешеходы.

Жизнь — такая обычная, неумирающая — шла вокруг.

Миссис Гребес бессильно опустила в кресло у окна, и слезы, одна за другой, покотились по ее морщинистым щекам. Но она этих слез не замечала.